

Ли Лин вылил последнее ведро помоев в тележку и вытер рукой пот со лба.

Был уже октябрь, погода стояла прохладная, но он всё равно успел вспотеть.

Работа в подсобке была нетяжёлой, но очень кропотливой — за день не присесть ни на минуту.

Чистка ночных горшков, вынос помоев, мытьё параш...

Поначалу его выворачивало от этих занятий, но теперь он уже мог делать всё это, не моргнув глазом.

Прошло больше месяца.

Ли Лин выпрямил спину и посмотрел на серое небо над головой. Стены дворца были высоки — так высоки, что за ними ничего не было видно.

Иногда он подолгу смотрел на эти стены, думая о том, как же он здесь оказался.

Тот день он помнил смутно. Помнил только, что работал допоздна, глаза слипались от усталости, а потом — темнота.

Очнулся он уже в комнате для оскопления, от резкого запаха лекарств и дикой боли внизу живота.

Первые несколько дней он не мог встать с постели, боль не давала спать целыми ночами напролёт.

Тогда он думал о смерти, думал, что это, должно быть, страшный сон, думал, что проснётся и окажется в своей тесной съёмной комнатухе.

Но боль была настоящей. Рана была настоящей. И евнухи вокруг, кричавшие на него на незнакомом наречии, тоже были настоящими.

Это был не сон.

Прошло больше месяца. Рана уже затянулась.

Боль всё ещё оставалась, но уже терпимая.

И он понемногу начал приходить в себя после первого отчаяния. А что ещё оставалось?

Смерть? Он думал об этом, но смелости не хватило.

Бунт? Он видел, как тех, кто бунтовал, утаскивали прочь, и они больше не возвращались.

Надо жить. Пока жить, а там видно будет. Может, и подвернётся случай.

— Ли!

Ли Лин обернулся и увидел управляющего подсобкой, господина Чжоу, стоявшего в дверях и махавшего ему рукой.

Он поставил ведро и быстро подошёл.

Господин Чжоу был старым евнухом лет пятидесяти, с круглым лицом, на вид приветливым, но во дворце до таких лет доживали немногие, и все они были себе на уме.

За этот месяц Ли Лин изучил его характер: он любил, когда подчинённые были обходительными и расторопными, и ненавидел лень и обман.

— Дедушка Чжоу, — позвал Ли Лин с улыбкой.

Господин Чжоу, которому такое обращение пришлось по душе, довольно прищурился и кивнул:

— Работаешь ты быстро. Ладно, есть для тебя одно дело.

Ли Лин стоял, почтительно сложив руки, и делал вид, что внимательно слушает.

— Седьмому принцу из Холодного дворца нужен слуга, — сказал господин Чжоу. — Прежний заболел, его унесли. Соберись, завтра отправишься туда.

Холодный дворец.

Сердце Ли Лина ёкнуло. За этот месяц он наслушался рассказов про Холодный дворец — место, куда ссылали опальных наложниц и забытых принцев. Место глухое и разорённое, куда никто не хотел идти.

Но, если подумать, у Холодного дворца была и другая сторона: там никому не было до тебя дела, и там было меньше склок.

— Слушаюсь, — ответил он, не задавая лишних вопросов.

Господин Чжоу покосился на него с едва заметной усмешкой:

— А ты не привередлив.

Ли Лин улыбнулся в ответ:

— Раз уж дедушка Чжоу назначил это дело, значит, дело хорошее.

Господин Чжоу рассмеялся, махнул рукой и отпустил его.

Ли Лин вернулся в свою каморку. Каморкой это назвать было трудно — скорее, полкомнаты, где едва помещалась узкая кровать. Он сел на край кровати и задумался.

Холодный дворец. Служить Седьмому принцу.

Что ж, лучше, чем чистить параши в подсобке.

На следующее утро он собрал свой скудный скарб и отправился в Холодный дворец.

Холодный дворец находился в самом дальнем и глухом углу императорского дворца. Он шёл почти полчаса, и чем дальше, тем заброшеннее становилось вокруг: каменные плиты сменились щебнем, стены дворцов обветшали, штукатурка облупилась, обнажив жёлтую глину.

Наконец он остановился перед полуоткрытой красной дверью. Краска на ней облезла, медные кольца покрылись зелёной ржавчиной.

Ли Лин толкнул дверь и вошёл.

Двор был большим, но заросшим сорняками — видно было, что за ним давно никто не ухаживал. Несколько зданий покосились, кое-где бумага на окнах была порвана и никем не заклеена.

Осенний ветер пронёсся по двору, поднимая сухие листья, отчего всё вокруг казалось ещё более унылым.

Он огляделся — никого не было видно.

Дверь в главный зал была приотворена. Он подошёл и осторожно толкнул её.

И тут он увидел маленькую фигурку.

Это был ребёнок. Он сидел, скорчившись, в углу, одетый в старую, не по размеру одежду.

Одежда когда-то была, судя по всему, женской — её перешили, но на ребёнке она висела мешком.

Ребёнок уткнулся лицом в колени, плечи его вздрагивали, но он не издавал ни звука.

Он явно плакал.

Ли Лин замер в дверях, не двигаясь.

Ребёнок, казалось, услышал шум и резко поднял голову.

Маленькое личико, всё в слезах. Глаза большие, опухшие, в них стояли слёзы. Лицо маленькое, подбородок острый, кожа очень бледная, почти прозрачная.

Он смотрел на Ли Лина, как напуганный зверёк, инстинктивно отодвинулся назад, сжавшись ещё сильнее.

В этих глазах были страх, настороженность и ещё что-то... Ли Лин не мог сказать, что именно.

Внезапно он вспомнил себя в тот момент, когда очнулся. Тот же страх, та же беспомощность, та же растерянность перед неизвестностью.

Он мысленно вздохнул, достал из рукава свой платок — грубый, из домотканой ткани, уже выцветший от стирок, но всё ещё чистый, — подошёл к ребёнку, присел на корточки перед ним, несмотря на его испуганный взгляд, и протянул платок.

— Не плачь.

Голос его был спокоен, без нарочитой нежности, но и без раздражения.

Ребёнок замер, глядя на платок, потом на него, и не взял его.

Ли Лин не торопил. Он так и сидел на корточках, держа платок на вытянутой руке.

Прошло много времени — на самом деле, всего несколько секунд, — прежде чем ребёнок протянул свою маленькую руку и взял платок.

Рука была очень худой, пальцы тонкими, с выступающими костяшками.

Он сжал платок в руке, но не вытер слёзы, а просто смотрел на Ли Лина в замешательстве.

— Ты... — голос его был очень тихим, мягким, с хрипотцой после плача, — кто ты?

Ли Лин посмотрел на него и сказал:

— Новый евнух. Буду тебе служить.

Глаза ребёнка расширились, словно он услышал что-то невероятное.

— Служить... мне?

— Да.

— Но... но никто не хочет идти в Холодный дворец... — голос его становился всё тише, и к концу фразы его почти не было слышно.

Ли Лин не ответил на это. Он встал и окинул взглядом убогую комнату.

— Как тебя зовут?

Ребёнок на мгновение растерялся, а потом тихо сказал:

— Седьмой... Седьмой принц.

Ли Лин посмотрел на него сверху вниз.

Ребёнок от этого взгляда смутился, опустил глаза, на ресницах всё ещё блеснули слёзы.

Голос Ли Лина стал мягче, в нём появилась ласка, которой он сам не заметил:

— Я спрашиваю твоё имя.

Тот снова поднял голову, в глазах мелькнуло мгновенное замешательство, а затем он тихо ответил:

— Чэнь... Чэнь Юань. Так меня назвала мать. Домашнее имя — Юаньэр.

— Чэнь Юань, Юаньэр... — повторил Ли Лин и кивнул, — меня зовут Ли Лин.

Юаньэр смотрел на него, сжимая в руке платок, и долго молчал.

Ли Лин не стал дожидаться, пока он заговорит, развернулся и направился к выходу.

— Ты... ты куда? — донеслось ему вслед, в голосе слышалась лёгкая паника.

Ли Лин не обернулся:

— Посмотрю, что тут можно привести в порядок. В комнате сквозит, надо заделать щели.

Дойдя до двери, он остановился и добавил:

— Ночью не прячься и не плачь одна. Если что — зови меня.

С этими словами он толкнул дверь и вышел.

А Юаньэр, сжимая в руке грубый платок, смотрел на спину, исчезающую в дверном проёме.

Внутри залетел ветер, стало холодно.

Он сжал платок ещё крепче, опустил голову и тихо произнёс:

— Ли... Ли Лин.

Это было в первый раз, когда он произнёс это имя.

Тогда он ещё не знал, что это имя он будет повторять всю свою жизнь.

В ту же ночь Ли Лин устроился спать в боковой комнате при Холодном дворце.

В комнате давно никто не жил, всё было покрыто пылью.

О кое-как протёр места, где мог, расстелил на деревянной кровати принесённую из подсобки постель — получилось более-менее сносно.

Ночью дул сильный ветер, бумага на окнах была прорвана, и холодный воздух задувал внутрь. Ли Лин лежал в темноте, слушал завывания ветра и думал о ребёнке, которого увидел днём.

Седьмой принц Чэнь Юань, домашнее имя Юаньэр.

Перед тем как прийти, он разузнал о происхождении этого принца. Его мать была служанкой, которая, родив его, через несколько лет скончалась от скоротечной болезни.

У него не было влиятельных родственников по материнской линии, не было придворных, которые бы его поддерживали, и даже имени его почти никто не знал.

Когда во дворце говорили о нём, то просто бросали — «тот, что в Холодном дворце».

Таким принцам было хорошо, если они вообще выживали при дворе.

Комната, которую он увидел сегодня, была ещё более убогой, чем та, где он ночевал сам.

Бумага на окнах была прорвана, никто её не заклеивал, одеяло было тонким, как бумажный лист, на столе стояла полупустая миска с холодной кашей, по поверхности которой плавали несколько листиков зелени — каша на вид прокисла.

Ребёнок был одет в женское платье — видимо, перешитое из старой одежды его матери, — оно было ему велико и висело мешком, отчего его лицо казалось ещё меньше.

На лице остались следы слёз, глаза распухли до размеров грецкого ореха, а взгляд был как у испуганного кролика.

Но Ли Лин запомнил эти глаза. Большие, круглые, с природным румянцем в уголках. После слёз они стали ещё краснее, словно подкрашенные.

Он не знал, почему его так зацепили эти глаза.

На следующее утро Ли Лин встал и первым делом пошёл на кухню.

В Холодном дворце была своя маленькая кухня, но кроме нескольких пожухлых овощей и половины мешка неочищенного риса в ней ничего не было.

Очаг был холодным — видимо, его давно не топили.

Он порылся в принесённом с собой узелке. Там было несколько леденцов — их он получил в подсобке, когда сбегал по поручению для одного старого евнуха, и тот его отблагодарил.

Ли Лину было жалко их есть, и он их приберёг.

Подумав, он сунул несколько леденцов за пазуху.

Подошёл к двери главного зала, постучал.

Изнутри не донёлось ни звука.

Он постучал снова и сказал:

— Это я.

Через некоторое время дверь приоткрылась на щелочку. Из-за щели на него смотрел один глаз, полный настороженности.

Ли Лин не торопил, просто стоял на месте.

Наконец дверь открылась. На пороге стоял Юаньэр, всё в той же старой одежде, с чуть растрёпанными волосами, лицо ещё более бледное, чем вчера. В руке он сжимал тот самый платок, который Ли Лин дал ему вчера.

— Ты... — заговорил Юаньэр, голос его был хриплым, — что ты делаешь?

Ли Лин не ответил, достал из-за пазухи леденец и протянул ему.

Юаньэр замер.

Это был обычный солодовый леденец, размером с ладонь, жёлто-коричневого цвета, завернутый в промасленную бумагу. За пределами дворца это было не бог весть что, но во дворце, да ещё в Холодном, это уже было редкостью.

Юаньэр смотрел на леденец, в глазах его читалась жадность, но ещё больше было настороженности.

Он не взял его.

Ли Лин понял его мысли. Не говоря ни слова, он разломил леденец пополам, одну половину положил себе в рот, прожевал и проглотил.

А затем протянул вторую половину.

Юаньэр смотрел на его действия, колебался мгновение, а потом протянул руку и взял половину леденца.

Он очень осторожно откусил кусочек.

Сладость растаяла во рту, медленно разливаясь по языку.

Глаза Юаньэра вмиг засияли, но он быстро опустил взгляд и крепко зажал половину леденца в руке, не решаясь есть дальше.

Ли Лин смотрел на него и примерно понимал, в чём дело.

Этого ребёнка слишком часто обижали, он боялся, что в леденце яд.

— На кухне пусто, — сказал Ли Лин, — я скоро схожу за мукой и рисом. Пока перебьёшься.

Юаньэр молчал, опустив голову.

Ли Лин развернулся, чтобы уйти, но его кто-то дёрнул за полу одежды.

Он обернулся и увидел, что Юаньэр вцепился в его одежду, пальцы побелели от напряжения. В этих глазах, смотревших на него, была печаль, страх и ещё что-то, что он не мог назвать.

— Ты... ты ещё вернёшься? — голос Юаньэра был едва слышен, словно он боялся отказа.

Ли Лин посмотрел на эту маленькую, худую руку и вдруг вспомнил фразу из своей прошлой жизни, которую видел в интернете: «Некоторые дети с первого взгляда понятно — о них никто не заботится».

— Вернись, — сказал он.

Юаньэр разжал пальцы, не проронив ни слова.

Ли Лин сделал несколько шагов, но потом снова обернулся. Ребёнок всё ещё стоял на пороге, в старой, не по размеру одежде, сжимая в руке половину леденца, и смотрел на него в растерянности.

Солнечный свет упал на его лицо, и Ли Лин наконец разглядел его как следует.

Кожа была белой, почти прозрачной, черты лица — утончёнными, как у фарфоровой куклы. Глаза — большие и круглые, с природной краснотой в уголках. Ресницы длинные, когда они опускались, на веки ложилась лёгкая тень. Губы были бледными, плотно сжатыми, словно он сдерживался.

Совсем мальчик, но красивее многих девочек, которых Ли Лин видел в своей жизни. Такой красивой, что от этого щемило сердце.

Ли Лин отвёл взгляд и зашагал прочь.

Он сам не знал, почему так хорошо относится к этому ребёнку. Может, потому что его было жалко, может, эти глаза напомнили ему себя после перемещения в этот мир, может, это робкое «Ты ещё вернёшься?» задело что-то глубоко внутри.

Он не хотел в этом разбираться.

Будь что будет. В конце концов, в этом Холодном дворце они теперь вдвоём. Чем сможет — поможет. Ничего страшного.

После ухода Ли Лина Юаньэр всё ещё стоял на месте, глядя в ту сторону.

Он опустил голову и посмотрел на половину леденца в руке.

Леденец уже немного подтаял и прилип к промасленной бумаге. Юаньэр осторожно лизнул его — сладость разлилась по языку.

Он уже давно не ел сладкого.

В последний раз он ел сладкое, когда ещё была жива мать.

Мать тайком копила своё жалованье и просила кого-нибудь приносить ему сладости.

Тогда у него ещё была мать, был кто-то, кто говорил: «Мой Юаньэр такой послушный».

Потом матери не стало, и никто больше не давал ему сладкого.

Юаньэр крепко сжал леденец, так что ладонь стала липкой.

Он думал: этот евнух... Ли Лин, почему он так хорошо к нему относится?

Никто не будет хорошо относиться к принцу из Холодного дворца, он это знал.

Раньше был другой евнух — он получал от кого-то деньги, каждый день приносил ему только одну миску холодной еды и обзывал его проклятым.

Потом тот евнух заболел и его унесли, и он больше не вернулся.

Этот новый — будет ли он другим?

Юаньэр не знал этого.

Но он помнил, как Ли Лин только что разломил леденец пополам и первым съел половину.

В том леденце не было яда.

Юаньэр аккуратно спрятал оставшуюся половину леденца под подушку.

Это было его тайное место. Там лежал маленький кисет, который оставила ему мать, и он всё время его прятал.

Через некоторое время Ли Лин вернулся.

Он нёс небольшой холщовый мешок, в котором была мука, рис и ещё кое-какая мелочь. Он отнёс всё это на кухню, а потом принёс миску горячей воды.

— Сначала попей воды, — сказал он, — потом я приготовлю тебе поесть.

Юаньэр взял миску и маленькими глотками стал пить. Вода была горячей, от неё в желудке стало тепло.

Ли Лин стоял рядом, смотрел, как он допивает воду, забрал миску и снова пошёл на кухню.

Юаньэр смотрел ему вслед и вдруг подумал: этот евнух, кажется, правда другой.

Но почему?

Он думал об этом долго, но так и не нашёл ответа.

С кухни донёсся звон посуды, а затем — звук засыпаемого в котёл риса. Через некоторое время потянуло запахом каши.

Юаньэр вдохнул этот аромат, и в животе у него заурчало.

Он давно не ел горячей еды.

Ещё через некоторое время Ли Лин принёс миску каши. Не той жидкой, в которой можно было увидеть своё отражение, а густой, с плавающими сверху кусочками зелени — на вид очень аппетитной.

Юаньэр взял миску, но не стал есть сразу, а поднял голову и посмотрел на Ли Лина.

Ли Лин знал, о чём тот думает. Он взял другую миску, зачерпнул из котла и на глазах у Юаньэра сделал несколько глотков.

Потом он посмотрел на мальчика.

Юаньэр только после этого опустил голову и стал маленькими глотками есть кашу.

Каша была очень горячей, но он не мог есть медленно. Глоток за глотком, пока не вылизал миску до дна, и только тогда поднял голову.

Ли Лин стоял в дверях и смотрел, как он вылизывает миску, и вдруг почувствовал, как у него самого защемило в груди.

Что же это за жизнь у этого ребёнка?

Он подошёл, достал из-за пазухи ещё один леденец.

— Ешь не спеша, — сказал он, — ещё есть.

Юаньэр смотрел на леденец, и вдруг его глаза покраснели.

Он опустил голову, уткнувшись лицом в колени, чтобы Ли Лин не увидел его глаз.

Ли Лин ничего не сказал, положил леденец рядом с ним и вышел.

Через некоторое время Юаньэр поднял голову, посмотрел на леденец, потом на дверь.

Он тихо сказал:

— Ли Лин...

Это был второй раз, когда он произнёс это имя.

Он не знал, почему так его назвал. Может быть, потому что Ли Лин напомнил ему мать. Она тоже давала ему сладости, тоже готовила ему горячую еду, тоже зимой прижимала его к себе.

Но матери больше не было.

Как долго продержится этот новый евнух?

Юаньэр не знал.

<http://bllate.org/book/18783/1823126>